

* * *

1

Октавами и повесть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У нас беда — и, право, я боюсь,
Так, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размеру, я на вас сошлюсь,
И вы нередко судите, читатель.
Но что же делать? Видно, так и быть:
Бояться волка — в лес нельзя ходить.

2

Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт. Плохой я горожанин.
Я этой жизни душной не терплю,
И повестью напому образ Танин,
Сугробами деревню завалю,
Как некогда январский «Москвитянин»...
Но, — виноват, я знаю, вам милей
Тверской бульвар неведомых полей!

3

Вас не займет отлогий косогор,
И ветхий храм с безмолвной колокольней,
И синий лес по скату белых гор;
Не станете вы внутренно довольней
Рассматривать старинный барский двор
И в тех местах молиться богомольней;
Но, верно, есть в них скрытая печаль:
Иначе что ж, — зачем же мне их жаль?

4

Там у меня ни близких, ни родни,
Но, зная, душе напомнили те горы
Места иные, где в былые дни
Звучали в замках рыцарские шпоры,
Блистали в окнах яркие огни
И дамские роскошные уборы
И где теперь — давно ли был я там? —
Ни зал, ни шпор, ни благородных дам.

5

Да, всё пройдет своею чередой!
Давно ли он, романтиков образчик,
Про степь и глушь беседовал со мной?
Он был и славный малый, и рассказчик;
Но вот вся жизнь его покрыта мглой,
Он сам давно улегся в долгий ящик.
Но помню я в его рассказах ночь:
Я вам рассказ тот передам точь-в-точь.

6

— Шестнадцать лет, я помню, было мне.
Близ той деревни жил и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполне,
Что жизнь моя страданиями богата.
Пришла пора — и вздумалось родне
Почти ребенка превратить в солдата.
Казалось, вдаль стремился я душой,
Но я любил, то был обман пустой.

7

Кто юных лет волнения не знал
И первой страсти, пылкой, но послушной,
Во дни надежд о счастье не мечтал
С веселием улыбки простодушной,
И кто к ногам судьбы не повергал
Кровавых жертв любви великодушной?
И всё пройдет, — нельзя же век любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

8

Пора, пора из теплого гнезда
На зов судьбы далекой подниматься!
Смеркался день, вечерняя звезда
Вдали зажглась; я начал одеваться.
До их села недалняя езда;
Перед отъездом должно распрощаться.
Готова тройка, порский снег взвился,
И колокольчик жалко залился.

9

«Пошел, пошел! всего верст двадцать пять;
Да льдом поедем, там езда ровнее.
Смотри, чтоб нам в село не опоздать,
Хотя домой приедем и позднее.

Ты коренной-то не давай скакать». Я нашей тройки не видал дружнее (И вам, я чай, случалось ездить льдом); Да вот и церковь, вот господский дом!

10

Не стану я описывать фасад Старинного их дома. Из гостиной В стекло балкона виден голый сад С беседкою и сонною куртиной. Признаться вам, ребяческий мой взгляд Тогда иною занят был картиной, И маменьке, хозяйке дома, чуть Я не забыл примолвить что-нибудь.

11

Зато она рассыпала слова... (За хлеб и соль ее хвалили миром) Радушная соседка и вдова, Как водится, была за бригадиром; Ее сынок любимый (голова!) Жил в отпуску усатым кирасиром. Где он теперь, не знаю, право, я; Но что за дочки! — Чудная семья!

12

Их было две. Нам должно их назвать: Пожалуй, мы хоть старшую Варварой, Меньшую Александрой станем звать. Они прекрасны были. Чудной парой, Для всех заметно, любовалась мать; Хоть иногда своей красою старой Блистать хотела, что греха таить! Но женщине как это не простить?

13

Мы младшую оставим: что нам в ней? Она блондинка стройная, положим, Но этот взгляд и смысл ее речей — Всё говорит, что и лицом пригожим И талией она горда своей, Что весело ей нравиться прихожим. Зато Варвара — томная луна, Как ты была прекрасна и скромна!

14

Ее не раз и прежде я видал,
Когда случался близко у соседства
Какой-нибудь необычайный бал
По случаю крестин или наследства;
Но в этот миг в душе припоминал
Я образ, мне знакомый с малолетства, —
И не ошибся: в городе одном
Мы с ними жили, рядом был их дом.

15

Что ж можно лучше выдумать? — И мать
Припомнила ту счастливую пору
И прочее. Я должен был внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынок меня придумал занимать:
Велел привести любимую мне свору, —
И я хвалил за стать его борзых,
А мне, признаться, было не до них.

16

Я и забыл: день святочный был то.
Зажгли огни; мы с Варенькой сидели;
Большое блюдо было налито,
Дворовые над блюдом песни пели,
И сердце ими было занято,
С гаданьями предчувствия кипели.
Я посмотрел на милое лицо...
И за меня она дала кольцо.

17

С каким отрадным страхом я внимал
Тех вещей песен роковому звуку!
Но вот мое кольцо — я услышал
В моем припеве близкую разлуку:
Как будто я давно о том не знал!
Но Варенька мне тихо сжала руку
И капли слез едва сдержать я мог;
Но улетел неосторожный вздох.

18

Другой сосед приехал — он жених.
Но стол готов в диванной с самоваром,

И Варенька исчезла. В этот миг
Сосед-жених мне был небесным даром:
Им занялись. Я ускользнул от них.
«Вы не в столовой?» — Обдало как варом
Меня от этих слов... Но этот взор!
О, я вполне ей верил с этих пор!

19

Мы говорили бог знает о чем:
Скучают ли они в своем имени,
О сельском лете, о весне, потом
О Шиллере, о музыке и пеньи.
«Я вам спою... Скажите, вам знаком
Романс такой-то?» — В сладком упоеньи
Едва-едва касался я земли...
Но чай простыл и самовар снесли.

20

В столовую я вышел... Боже мой,
Какое счастье: заняты гаданьем!
И я прошел нарочно пред толпой
И тихо скрылся. Чудным обаяньем
Меня влекло за двери. За стеной
Дрожали струны сладостным бряцаньем...
Нет, я не в силах больше, не могу —
На тайный зов я к милой побегу.

21

Серебряная ночь гляделась в дом...
Она без свеч сидела за роялью.
Луна была так хороша лицом
И осыпала пол граненой сталью;
А звуки песни разлились кругом
Какою-то мучительной печалью:
Всё вместе было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

22

И, сам не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывал кудрей ее лобзаньем,
И жаждою моя горела грудь;
Хотелось мне порывистым дыханьем
Всю душу звуков сладостных вдохнуть —
И выдохнуть с последним издыханьем!

Дрожали звуки на ее устах,
Дрожали слезы на ее глазах.

23

«Вы знаете, — сказала мне она, —
Что я владею чудным талисманом?
Хотите ли, я буду вам видна
Всегда, везде, с луною, за туманом?»
Несбыточным была душа полна,
Я счастлив был ребяческим обманом.
Что б ни было — я верил всей душой, —
И для меня слилась она с луной.

24

Я был вдали, ее я позабыл,
Иные страсти овладели мною;
Я даже снова искренно любил, —
Но каждый раз, когда ночной порою
Засветится воздушный хор светил, —
Я увлечен волшебницей луною.

Афанасий Афанасьевич Фет, 1842